

**В ПОИСКАХ ГЕРОЕВ:
К ВОПРОСУ О ПЕРЕОСМЫСЛЕНИИ ПРОШЛОГО
РУССКИМИ КНИЖНИКАМИ XV–XVI ВВ.**

В. Н. Рудаков

При анализе ранних источников по истории русско-ордынских контактов обращает на себя внимание тот факт, что количество упоминаний активных борцов с завоевателями (тем более княжеского достоинства) ничтожно мало, а сами эти упоминания предельно лапидарны. И хотя «героическая борьба с захватчиками», несомненно, имела место, «героических характеров» в литературе практически не наблюдалось¹.

Это может объясняться тем, что самих случаев «героической борьбы» русских князей с монголо-татарскими завоевателями, вопреки распространённому мнению, было не так уж и много. Во-первых, в годы нашествия князьям фактически не удалось организовать сколько-нибудь серьёзных полевых сражений с татарами, а «все хорошо известные факты героического сопротивления Батыевым полчищам были связаны с обороной городов»². Во-вторых, даже в ходе обороны городов князья весьма редко проявляли себя в качестве организаторов «героического сопротивления».

Скорее, наоборот: в момент нашествия ни один из наиболее сильных на тот момент князей не возглавил оборону своих столиц, предпочтя «отъезд» подальше от театра военных действий. Уезжают из столицы, например, Даниил Галицкий, который бежит в «Ляхы», и Михаил Черниговский, который «бежа передь татары Оугры», т. е. в Венгрию, «иже за страхъ татарьскыи не сме ити Киеву»³. Да и великий князь владимирский Юрий Всеволодович «изиди из града»⁴, оставив в городе жену и сыновей, которые, в свою очередь, практически отстранились от организации обороны. Поэтому героическая оборона русских городов, о которой было известно даже за пределами Руси, например, хронисту Фоме из Сплита⁵, в большинстве случаев явилась результатом отчаянного сопротивления самих горожан — безымянных героев борьбы с татарским нашествием.

Впрочем, точно так же вели себя князья и в последующий период: фактов сопротивления татарам с их стороны источники практически не фиксируют вплоть до второй половины XIV в., когда при Дмитрии Донском политика московских князей по отношению к татарским властям начинает претерпевать серьёзные изменения. Не случайно, как заметил в своё время А. С. Хорошев, среди князей, причисленных к лику святых, большинство составляли мученики за веру, а вовсе не князья-воины⁶.

Однако это вовсе не означает, что князья вообще отказывались от борьбы с татарами. Такие случаи известны. Тем более удивительно, что они если не оставались за рамками описания событий русскими книжниками, то в лучшем случае

упоминались в источниках лишь вскользь. Не исключено, что причины такого умолчания могли быть сугубо «цезурные». Во второй половине XIII в. для большинства русских князей покорность и даже сотрудничество с недавним врагом оказались наиболее предпочтительными вариантами поведения, поскольку гарантировали сохранение власти. Как писал А. Н. Насонов, цитируя житийную повесть о Михаиле Черниговском, «на Руси признали, что Русская земля стала землёй “Канови и Батыеве” и что “не подобает” на ней “жити, не поклонившеся има”»⁷.

Вряд ли авторы княжеских житий и официальных летописных сводов могли, даже если хотели, выступить с прямой критикой таких подходов, тем более что в этом случае им пришлось бы осуждать «своих» собственных князей или их ближайших предков⁸. Да и сами книжники (авторы как житийных, так и летописных произведений) в подавляющем большинстве случаев принадлежали к одному из самых привилегированных социальных слоёв эпохи «монголо-татарского ига» — духовенству⁹.

В итоге, герои противостояния татарам оказались как бы «вне памяти»: из ранних памятников мы о них почти ничего не узнаём, соответствующая информация содержится либо в зарубежных, либо в гораздо более поздних (XV–XVI вв.) отечественных источниках, достоверность которых, к сожалению, крайне низка.

Почему произведения, повествующие о героической борьбе с монголо-татарскими завоевателями, появляются спустя достаточно большой промежуток времени после описываемых в них событий? Можно предположить, что в определённый момент книжники и общество в целом осознали, что имеют дело с ситуацией «отсутствия героев». Именно поэтому на рубеже XV–XVI вв. появляются новые редакции произведений, посвящённых событиям первых лет русско-ордынских контактов, в которых иначе, чем прежде, описываются, а главное, оцениваются поступки князей, живших в XIII в.

Рассмотрим приёмы такой трансформации на конкретных памятниках древнерусской книжности.

Один из таких приёмов — расширение повествования за счёт включения уникальной информации. В этом смысле стоит назвать, например, созданную на рубеже XV–XVI вв. «Повесть о разорении Рязани Батыем», которую следует признать весьма удачной (раз её сюжет до сих пор пересказывается в качестве правдивого повествования о событиях XIII в.) попыткой разрешить ситуацию с «отсутствием героев». Повесть фактически создаёт героев заново. Расширение повествования происходит, главным образом, за счёт включения в рассказ уникальных, нигде более не встречающихся сведений о подвигах рязанцев. Так, князь Юрий Ингваревич, согласно «Повести», идёт на бой, провозглашая, что «лутче нам смертию живота купити, нежели в поганой воли быти». В результате «мнози бо силнии полки падоша Батыеви». Видя, что «господство резаньское крепко и мужественно бяшеся», Батый даже «возбоися». «Удалцы и резвцы резанския» столь «храбро и мужественно бяшеся», что «едва одолеша их силныя полкы татарския». Кульминацией «рязанского геройства» является эпизод с Евпатием Коловратом. Решив отомстить Батыю за разорение родной земли, Коловрат с дружиной «начаша

сечи без милости полкы татарскыа: татарове же сташа, яко пияны, или неистовы». В итоге, у татар сложилось вполне апокалиптическое впечатление о происходящем: «...татарове мняша, яко мертви восташа». После трудной победы над отрядом Евпатия Батый «начаша дивитися храбрости, и крепости, и мужеству резанскому господству <...>, сии бо люди крылаты, и не имеющие смерти, тако крепко и мужественно ездя, бьяшеса един с тысящею, а два со тмою»¹⁰.

Другой путь состоял в корректировке уже имевшихся образов, в наделении ранее «негероических» персонажей героическими чертами. Характерные примеры такого подхода — трансформации летописного рассказа об обороне Владимира в 1238 г. и действиях сыновей великого князя, а также Жития святого благоверного князя Александра Невского.

В Лаврентьевской летописи, содержащей самое подробное из всех ранних рассказов о событиях 1237–1238 гг. описание осады Владимира полчищами Батыя (текст создан между 80-е гг. XIII в. и 1305 г.), оставшиеся в городе сыновья великого князя жаждут «оумрети перед Золотыми враты за святую Богородицу и за правоверную веру христьянскую!» При этом они исходят из того, что сопротивление татарам бесполезно. По их мнению, ордынцев «наведе на ны Богъ грех ради нашихъ», а значит, «нестъ человеку мудрости, ни есть мужства, ни есть думы противу Господеви. Яко Господеви годе бысть, тако и бысть»¹¹.

Совершенно иную трактовку получают действия князей в летописных сводах XV в. и особенно XVI в. Уже в Симеоновской летописи (она отразила в части до 1391 г. тверскую переработку Троицкой летописи) князья предпочитают «умрети ... за святые церкви и за православную веру христьянскую, нежели воли ихъ (татар. — *В. Р.*) быти над нами». А фраза «сия вся наведе Богъ на ны грехъ ради нашихъ...» вкладывается в уста не князьям, а всего лишь воеводе Петру¹². Примерно такую же версию читаем и в Голицынском списке Никоновской летописи. Однако, согласно остальным редакциям этой летописи, князья и вовсе наполняются воинственным духом: «възхотеша изыти противу ихъ (татар. — *В. Р.*) на бои за святые церкви и за православную веру». Но князей отговаривает воевода: «Како убо можем изыти на них, и стати противу толикаго множества? Лутчи нам есть в граде седети и, елико возможно нам, противу их брань сотворити»¹³.

Получается, что в первоначальном виде рассказа о нашествии Батыя перед нами — смиренные князья, готовые *подчиниться судьбе и погибнуть*, отказавшись даже от попыток борьбы с «погаными». В позднейших же обработках текста князья изъявляют желание в одном случае *погибнуть, нежели оказаться в неволи*, в другом — *с оружием в руках встать «на бой» с татарами*.

Можно предположить, что указанные изменения в трактовке событий 1237 г. произошли не случайно, а под воздействием того, как с позиций XVI в. должны были вести себя князья XIII в. Если в XIII в. отказ от сопротивления, вызванный смирением перед карой Господней, вряд ли мог вызвать непонимание или тем более осуждение, то в XV–XVI вв. отказ от борьбы с врагами ассоциировался с поступками недостойными, недолжными¹⁴. Понятно, что «наделять» таким

поведением мученически погибших сыновей великого князя владимирского уже было не совсем удобно.

Примерно с теми же механизмами формирования образа героя мы сталкиваемся при анализе изменений, которые вносятся в середине XVI в. в одно из наиболее популярных произведений древнерусской литературы — Житие святого благоверного князя Александра Невского. Автор так называемой «редакции Василия Варлаама» (она была составлена в 50-е гг. XVI в. и включена в Великие минеи четьи), решил проблему «отсутствия героя» за счёт перенесения на своего персонажа черт другого, «более героического» человека. Таким человеком, по мнению Василия Варлаама, судя по всему, был святой князь Михаил Всеволодович Черниговский. Христианский подвиг Михаила состоял в том, что, будучи вызванным в Орду «царём Батыем», он не поддался на «прельщения» татар, отказался поклоняться их идолам и божествам и погиб от рук «нечестивых», сохранив чистоту веры. Александр, как известно, имел иной опыт общения с татарами: летописи не раз сообщают о том, что князь был «с честью» принят в Орде и отпущен обратно¹⁵. О том же самом сообщает и княжеское Житие, первоначальная редакция которого возникла, судя по всему, в 60-е гг. XIII в.¹⁶

В новой версии Жития Александр Ярославич едет в Орду, стремясь повторить подвиг погибшего за веру князя Михаила Всеволодовича: Василий Варлаам буквально цитирует текст Жития Михаила Черниговского, вкладывая в уста великому князю владимирскому реплики князя черниговского¹⁷. По версии книжника, Батый освобождает Александра от прохода через очистительный огонь и поклонения идолам, а затем отпускает его с миром. В результате, как отмечает Ф. Б. Шенк, под пером автора этой редакции Жития Александр предстаёт как «бескровный мученик, не отказавшийся от своей веры под угрозой смерти, но не казнённый»¹⁸.

То, что процесс переосмысления отношений русских князей с ордынскими властями столь активно разворачивался в XV в. и особенно в XVI в., вполне объяснимо. К этому времени меняется восприятие татар в целом и ордынских властей, в частности. Если изначально они воспринимались в качестве «кары Господней», а их власть — как ниспосланное Богом испытание (и, значит, бороться с ними было бессмысленно и даже греховно), то впоследствии они начинают выступать как «безбожные», «беззаконные», «слуги дьявола» (с ними христианину бороться не просто можно, но и должно). Одновременно с рефлексией по поводу природы ордынской власти начинает формироваться новая идеология Русского государства, опирающаяся на идеи о мессианском предназначении Руси и богоизбранности великокняжеской власти. Князь отныне воспринимается ещё и как пастырь, обязанный защищать вручённую Богом паству от происков «поганых» и стоящего за ними «князя мира сего». Теперь смирение, а уж тем более сотрудничество с татарами по определению оказываются для князей невозможными вариантами поведения. С «погаными» можно только сражаться, с оружием в руках защищая идеалы христианства, ведь их нашествие — отныне уже не «кара Господня», а происки «лукавого». Такое восприятие имело и «обратную силу»: как враги христианства стали восприниматься и те абсолютно веротерпимые ордынцы, с которыми имели дело русские князья во

второй половине XIII в. По мысли книжников, русские правители, княжившие в то беспокойное время, должны были являть собой примеры столь же героического поведения по отношению к врагам христианства, как и их потомки — от Дмитрия Донского и вплоть до современных им ниспровергателей ханств XVI в.

¹ Рудаков В. Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М., 2009. С. 55–84, 174–176.

² Горский А. А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 181.

³ ПСРЛ. СПб., 1908 (репринт — М., 1998). Т. 2. Стб. 782–783.

⁴ ПСРЛ. Л., 1927 (репринт — М., 1997). Т. 1. Вып. 2. Стб. 461; там же. Т. 2. Стб. 779; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950 (репринт — ПСРЛ. М., 2000. Т. 3). С. 75.

⁵ Фома Сплитский. История архиепископов Салона и Сплита. М., 1997. С. 104.

⁶ Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986. С. 76, 78.

⁷ Насонов А. Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси // Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб., 2006. С. 221.

⁸ Коняевская Е. Л. О «границах» древнерусской литературы (летописи: писатель и читатель) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 2 (12). С. 79.

⁹ Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1900. Т. II. Вторая половина. С. 14; Охотина Н. А. Русская церковь и монгольское завоевание (XIII в.) // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 67–81.

¹⁰ Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 188–192.

¹¹ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 461.

¹² ПСРЛ. СПб., 1913 (репринт — М., 2007). Т. 18. С. 56.

¹³ ПСРЛ. М., 1965. Т. 10. С. 107.

¹⁴ Рудаков В. Н. Поведение Дмитрия Донского в оценке автора «Повести о нашествии Тохтамыша» // Проблемы источниковедения истории книги. М., 1997. С. 12–25.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 471–476.

¹⁶ Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн X – нач. XX вв.: сб. научных трудов. М., 1990. Вып. 1. С. 36–39.

¹⁷ Мансикка В. И. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст (Памятники древнерусской письменности и искусства. № 180). СПб., 1913. С. 43–45.

¹⁸ Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти. М., 2007. С. 42–43.